

Испытание спутником

«Луна 2112» ДАНКАНА ДЖОНСА
приглашает РИТА РУСАКОВА

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ как бы в духе «Космической одиссеи 2001» Стэнли Кубрика. Американская база на Луне, футуристический дизайн, космическая пустота за иллюминаторами, в комнате двое — астронавт Сэм Белл (гениально сыгранный Сэмом Рокуэллом) и умный робот-компьютер Герти (озвученный Кевином Спейси, чего отечественный зритель, увы, не услышит). Однако никакой возвышенной кубриковской метафизики нет и в помине. Футуристический дизайн изрядно поизносился, база смахивает на офисное гетто в стиле Дугласа Коупленда, зато умный робот Герти — не бесчеловечное исчадие техники, а свой в доску парень, спектр эмоций которого явно богаче набора смайликов на экране монитора, доступных ему для



выражения чувств. Да и астронавт Сэм Белл, обыкновенный «синий воротничок», вкалывающий на корпорацию Lunar Industries, которая добывает на Луне гелий-3, вовсе не тащится от единения с Вселенной. А ждет не дожидается отправки домой — к жене и дочке — по истечении трехлетнего контракта и на досуге, изнывая от скуки и одиночества, выпаливает лобзиком модель родного городка.

Накануне долгожданного дембеля на одной из буровых случается авария, Сэм Белл, проклиная все на свете, влезает в лунный бульдозер и едет на разведку — тут «Космическая одиссея» плавно превращается в коктейль из «Соляриса» Андрея Тарковского, «Бегущего по лезвию бритвы» Ридли Скотта и «Матрицы» братьев Вачовски, приправленный скептицизмом «Поколения икс».



38-летний британский режиссер Данкан Джонс, сын Дэвида Боуи, говорит, что его дебютный фильм не мог не быть фантастическим. Дело отчасти в папе и образе Зигги Стардаста, отчасти в заведенном папой обычае ежедневно читать по два часа перед сном — преимущественно Джорджа Оруэлла, Филипа Дика и Джеймса Балларда. Впрочем, полученное Боуи-младшим философское образование (не дописав докторскую диссертацию в Университете Вандербильта в Теннесси, он сбежал в Лондонскую киношколу) и верность эстетике независимого кино придает этой фантастике известное интеллектуальное обаяние. Принесшее фильму, вызвавшему ажиотаж в Санденсе и на ММКФ, пару призов с кинофестивалей в Эдинбурге и Сиэтле.

В прокате с 17 сентября

Черные тимуровцы

«Сумасшедшая помощь» БОРИСА ХЛЕБНИКОВА
смотрела ТАТЬЯНА АЛЕШИЧЕВА

ПОСЛЕ «КОКТЕБЕЛЯ», снятого совместно с Алексеем Попогребским, и «Свободного плавания» уже сложилась традиция сравнивать Бориса Хлебникова с Джармушем и Кауризмьяки по общему тематическому основанию — с их персонажами, малыми мира сего, случаются самые разнообразные неприятности: их бьют по голове, они ночуют на улицах, теряют все. А сам Хлебников назвал своим любимым режиссером Билли Уайлдера — за то, что в его фильмах всегда есть простой и внятный сюжет. Уайлдер поработал в разных жанрах, но, если искать сюжетные аналогии, сразу вспоминаются недотепистые и беззащитные персонажи уайлдеровских комедий, сыгранные Джеком Леммоном: вот большой неуютный мир, вот маленький ничтожный человечек, куда ему с миром тягаться, так что остается изворачиваться или бежать. Но как бы туго ни приходилось протагонисту, его злоключения — все равно комедия. Или все еще комедия.

Круглый смешной деревенский мужичок Женя (Евгений Сытый), по-

хожий на Винни-Пуха и Евгения Леонова, отправляется из белорусской деревни на какие-то мифические заработки в Москву, там сразу же закономерно получает по голове, ночует во дворе на лавке, где еще одни добрые люди снимают с него последние ботинки. Женю подбирает местный чудик интеллигентского вида и донкихотского склада (Сергей Дрейден). Насчет того, что творится у него в голове, чудик быстро не оставляет сомнений, предлагая новому другу спасти симпатичную тетку, которую злобный муж-участковый (Игорь Черневич) якобы травит ядом. Спасти ее можно единственным способом — постричь, поскольку яд скапливается в волосах. Рыцари печального образа начинают чудить на пару, и не все их проделки безобидны. Одно дело убрать скамейку из-под окон старушки, которой досаждают шумные посиделки, и совсем другое — напустить газу в подвал, чтобы «спасти» заточенного там гастарбайтера.

В одном рыцаря оказываются правы: самое злобное и опасное существо



во дворе — это недотыкомка-участковый. Здесь достоверность очень тонко сопрягается с абсолютной фантастичностью, милиционер — мощнейший образ, сочетающий анекдотичность и подлинную жуть. Он до смешного панически боится, что его уволят, и галлюцинирует об изгнании из органов усилиями ящеров в погонах. Он реально существует, но при этом раз от раза оказывается невидим; только если он проходит по коридору, его милицейские коллеги чувствуют, как оттуда несет замогильной гнилью. Действительность, ни на секунду не теряя своих вещественных черт и достоверных деталей, становится проницаемой для потусторонних материй. И происходит это у Хлебникова без малейшей

натуги и видимых швов: сюжет может быть сколь угодно фантастическим и странным, но остается простым и понятным. Так же свободно и без видимых глазу маркеров грустное сопрягается у него со смешным.

Не в последнюю очередь органика достигнута за актерский счет. Чокнутый идеалист Дрейдена убедителен настолько, что чокнутыми начинают временами казаться все остальные. У дворового донкихота есть не менее занятая взрослая дочь (Анна Михалкова), смотреть на которую опять же смешно и грустно; одинокая добрая клуша назойливо пичкает отца таблетками якобы от простуды, а на самом деле — от обострения. «Обострение» было рабочим названием фильма, и в финале оно так происходит: обнажается конфликт, казавшийся доселе безобидным, и разворачивается вполне всамделишная битва добра со злом. Но и здесь изначально комедийный зачин позволяет Хлебникову идеально выдержать интонацию и уйти от всякого пафоса.

В прокате с 17 сентября